

Вера Зубарева

Из книги

«Гаданье на чернильной гуще»

\* \* \*

Стеариновый оттиск луны.  
Всплеск пера по чернильной волне,  
Недописанных букв валуны  
С затонувшей строкой в глубине,  
И попутные мысли-ветра  
Чуть ерошат тетрадную гладь.  
Сотни лет стиховых до утра,  
Коль удастся его написать.

\* \* \*

Там в чернильнице дух мой витает  
в крошечных потемках.  
С этой жизнью двойной  
я вчера не покончила разве?  
– Спи-усни, – говорю,  
а луна с завитками ребенка  
сквозь чернильную скважину  
смотрит в чужие фантазии.  
– Уходи, – говорю. –  
Мгла чернил не для глаз твоих детских.  
Кто спустился туда,  
тот уж вынырнет чем-то другим.  
Возвращайся к себе  
и примеривай звезд подвески –  
ни к чему тебе мрачный чернильный нимб.

А она не уходит,  
и брезжит ее любопытство.  
Я смирилась,  
и стол к нему тоже привык.  
Только нет в том просвета,  
и темень в чернильнице длится,  
и не пишется набело сонный мой черновик.

\* \* \*

Ночь примчалась на помеле ветра,  
Поднимая столбы видений в воздухе.  
Они толкались у тетради в костюмерной,  
Вскакивали в стих, сваливались в прозу,  
Барахтались в жиже клякс и кофейных пятен,  
Смотрели на часы, шептали молитву  
(Страшились их боя – им был неприятен  
Шанс превратиться в крысу или тыкву).  
Качалась свеча с лицом опухшим.  
Лист корежился. Пахло гарью.  
Перо накаливало слова, как мушки,  
Пополняя страниц исчерканный гербарий.  
– Яду мне, яду! – стонала чернильница,  
И ночь-Бастинда мешала в ней варево.  
Мешался ум. – Это все тебе снится, –  
Кто-то напрасно его уговаривал.  
Стрелки складывались в молитве о помощи,  
Маятник раскачивал свою люльку,  
И время бежало прочь от полночи,  
Теряя безвозвратно волшебную туфельку.

\* \* \*

Ночь крутит свой вселенский детектив.  
Перо опять скребется по бумаге.  
Его б упрятать в ящик – замок Иф,  
Но не поймаю – нет такой приманки.

Бурчание растрепанной свечи  
С повязкою из воска от мигрени.  
И хочется ей крикнуть: «Замолчи!» –  
Но начеку сторожевые тени.  
А рукопись исчеркана до дыр,  
И дух свечи над ней свивает кольца.  
Страница в правках – настоящий тир,  
Где в яблочко попасть не удастся.  
И кресло недовольно, и окно –  
В нем вид на двор полночный и обратно,  
Где со столом раздор у нас давно –  
Идем войной, как брат идет на брата.  
Ворочается жесткая кровать  
С проклятиями всяческого рода,  
И сон, что с ней приятно рифмовать,  
Уходит прочь, потребовав развода.

\* \* \*

Тучей лунный свет распилен.  
Ухнул в тьму трамвай, как филин,  
В нижний мир уплыл,  
И часы пробили полночь,  
Позвала строка на помощь  
Из тетрадной мглы.  
Заплясало пламя свечи,  
И перо дало осечку.  
Буква сорвалась  
С ветки слова  
В бездну кляксы.  
Блик вернуть ее поклялся...  
И прервалась связь.

\* \* \*

Полночь вошла, опираясь на ручки клюку.  
Совы в глазах и очки на носу в паутине.  
Ходики с боем фальшиво пропели: «ку-ку»,  
И шестеренку заело в их адской машине.  
Значит, опять не удастся забыться в раю  
Снов, созревающих в темном провале подушки.  
– Ладно, садись, коль пришла, – я, вздохнув, говорю,  
И отступают, чуть мешкая, райские кущи.

\* \* \*

А жизнь поэта – подневольная:  
Что Бог пошлет. Бери, не сетуя.  
Чернильница – в виске пробоина  
С засохшей кровью фиолетовой.  
Стол – поле брани. На обочинах –  
Вповалку книги баррикадами.  
Пустые гильзы перьев сточенных  
Да темные бинты тетрадные.  
Смеркается в окопах ящичков.  
Притихло дезертир-наитие,  
Как будто без вести пропащее.  
И нет конца чернопролиту.

Филадельфия

